

ИГОРЬ МАРАНИН

ОБЕЗЬЯНА СЧАСТЬЯ

ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ

Игорь Маранин

**Обезьяна счастья.
Взрослые сказки**

«Издательские решения»

Маранин И.

Обезьяна счастья. Взрослые сказки / И. Маранин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853052-4

Старики сказывали, давно это было. Деды их дедов не застали, но от родителей слышали да сыновьям пересказали. Правил тогда на Руси царь Горох. Вставал спозаранку, ещё до первых петухов, и такой неугомонный был, что никому в стране спать не давал. И так приучил народ, что стоило царю на день с похмелья приболеть, как в стране полный бардак начинался.

ISBN 978-5-44-853052-4

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

Деревня бабки Саматухи	6
Сказка про Того, Не Знаю Кого	6
Судорожное дерево	10
Сказка о неразделенной дружбе	13
Как друиды Стоунхедж строили	18
Яйцо божественной птицы Анзуд	20
Пролог	20
1	21
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Обезьяна счастья Взрослые сказки

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3052-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревня бабки Саматухи

Сказка про Того, Не Знаю Кого

– Расскажи мне сказку про того, не знаю кого!
– Как это?
– Ну, помнишь, в сказках царь все время приказывает: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... А я хочу сказку про того, не знаю кого!

(Из разговора только что поужинавшего Сказочника с капризной Принцессой)

Всё началось со старого и жадного колодца. Как это колодец может быть жадным, спросишь ты? Да очень просто! Когда никому не дает из себя напиться. С тех самых пор, как в нем поселился странный гражданин... а, может быть гражданка... а, может быть, и вовсе чудище страшно—премерзко—ужасное – в общем понятия не имею кто.

Первой о том узнала, как всегда, бабка Саматуха. Она живет на самой окраине, и потому встает в деревне раньше всех. Еще до того, как повсюду петухи утру здравицу пропоют да собаки спросонья солнце облают. Подошла Саматуха к колодцу, сбросила туда ведро, что на цепи железной привязано, а ведро возьми да и стукни Того, не знаю кого по тому, не знаю чему. Вылетело ведро обратно из колодца, чуть сову, что с охоты возвращалась, не зашибло – хорошо цепь удержала. Заволновалась сова, из когтей зайца черного линиялого с испуга выпустила, и тот домой в лес утек.

А из колодца дурным голосом как завопят:

– Ду—у—ура! Ну как есть ду—у—ура!

Это на бабуку Саматуху-то! Заслуженную пастушку страны и мать троих взрослых пастухов. Стыд и срам.

Одно хорошо. Через полчаса вся деревня про Того, не знаю кого уже знала. Собралась у колодца да принялась судить—рядить, кто в нем поселился.

Староста Тимофей перекинулся через край, спросил вежливо:

– Ау—у—у! Кто в нашем колодце живет?

А ему в ответ:

– Пошел вон! Где хочу, там и живу.

Стали и другие Того, не знаю кого спрашивать. Кто он да откуда, какой веры будет да какие взгляды на будущий урожай имеет. Только ничего не добились, кроме ругательств да смеха издевательского. Иванко, сын бабки Саматухи решил тогда слазить в колодец. Обмотался веревкой, стал спускаться осторожно, почти уж до дна добрался. А потом как вылетит из колодца, словно его из пушки выстрелили. Чуть сову, что очухалась и на охоту полетела, не зашиб – хорошо веревка удержала. Сова голодная, днем ничего не видит, охотится на ощупь... А сказать ничего не может – скромная.

Надобно сказать, что в деревне нашей только два колодца – этот, да еще один напротив плотника Деревячкина, у которого свинья в прошлом году от лисы курятник спасла. Свирепая свинья у плотника, не любит чужих. Разве что покушать. А видит, как и сова, плохо совсем – близорукой уродилась. И не собака, нюха никакого. Того и гляди сослепу своего зажуёт. При-

шло Деревячкину ей самые настоящие очки в городе заказывать. Так теперь и ходит свирепая свинья в очках, на чужаков хрюкает да дом охраняет.

Хочешь не хочешь, стал народ думу думать.

– А давайте, – говорит староста Тимофей. – Из города ученого позовем. Пусть он нам всю эту историю разъяснит, как положено. Посмотрит на Того, не знаю кого да определит кто он есть и почему ругается благим матом.

Коротко ли, долго ли – приехал ученый. В руках трость длинная французская, на носу очки – ну чисто свирепая свинья. А еще портфель с собой и в том портфеле циклопедь толстая лежит, с рисунками и названиями всех существ, которые только есть на Земле, под землей, в небе и даже в пучине морской. Походил вокруг колодца, к стенке раструб приложил, ухом прильнул, заслушался. А потом как закричит что-то на латынском языке прямо в колодец, аж сова с дуба рухнула. Сморило бедняжку после охоты неудачной, вот и заснула. А Того, не знаю кого, от ученой латыни смех ехидный пробрал. Что ему в колодец ученый кричит, то он и передразнивает. Ученый послушал—послушал, циклопедь свою из портфеля достал, полистал, а потом и говорит:

– Поселилось у вас Эхо обычное, колодезное. Очень редкий вид – Эхус ругателус. Отряд матершинных.

Мужики кепки снимали, головы чешут. Что за отряд такой? А ученый тем временем распалился совсем. Бумагу, кричит, дайте – государю писать буду! Нужно спасти редкое существо. Приедут сюда ученые, будут Эху изучать и речи за ним записывать. Переглянулись сельчане да смекнули: дело пахнет перегаром. Если ученые понаедут да царь—государь, не дай Бог, пожалует – никакой жизни на селе не будет. Туда не ходи, сюда не гляди... И решили они того ученого в лес завести да заплутать так, чтоб потом дороги назад не нашел. И все поклялись строго—настрого, что ни за какие деньги они его обратно не поведут. Даже бабка Саматуха поклялась, хотя денег никогда не видела и даже не знала, что это такое.

Увели ученого в одну сторону за околицу, а беда с другой стороны пришла. Чин государев пожаловал. Давно он уже на деревню заглядывался, желал курорты для заморских иностранцев строить, а тут как угадал. Захотел воды испить, у колодца остановился, а ему и говорят: пожалуйста, мол, барин, к другому, этот совсем нерабочий.

– Как это совсем нерабочий? – спрашивает чин государев строго. – То ли у вас шалит кто? Воду мухоморами травит? Или плата велика стала, не по карману простому народу?

– Какая плата? – удивились сельчане. – Сроду у нас вода бесплатная была. Просто мы Того, не знаем кого выжить из колодца не можем.

Задумался чин государев.

– А зачем он в этом колодце поселился? – спрашивает.

– Затем, не знаем зачем, – отвечают сельчане.

Еще крепче задумался чин государев.

– Отчего же именно в этом колодце? – недоумевает он.

Тут уж мнения народные разделились.

– Оттого, не знаем отчего, – говорят одни.

– Потому, не знаем почему, – отвечают другие.

Совсем крепко задумался чин государев. Так крепко, что уж и вечер начался, и сова на дереве проснулась, начала на охоту собираться, крылья причесывать да клюв помазать, а он все сидел, на колодец смотрел и думал. А потом встал, улыбнулся по—отечески и сказал:

– Знаю, как вашему горю—печали помочь. Ждите.

Проходит день—другой—третий, приехали из города стражники да управитель—мериканец – на поясе ремень широкий ненашенский, а на ремне том пистолет висит. Колодцы забором огородили, на каждый табличку повесили. На одном «Колодец государев, национализированный. 1 ведро воды – 5 рублей», а на другом – «Тогонезнаемкогопарк. Вход 10 рублей».

Возмутились было сельчане: как это за воду деньги брать? И предки наши бесплатно ее пили, и предки предков. А управитель вышел да давай их стыдить:

– Темный вы народ, неученый. Отчего беды все ваши были? От Того, не знаю кого. А теперь мы от него один колодец охранять будем, а на другом деньги зарабатывать, чтоб под процент их в банку положить, а правнукам вашим большое богатство выдать.

Совсем закручинились селяне. Хотели новый колодец вырыть, да оказалось, что нельзя. Запрещено сие законом новым, как дело зловредное и опасное распространением всякой заразы. Такой, не знаем какой. И решили тогда селяне посольство к Калине—богатырю собирать. Скинулись кто чем может: картошечки мешков семь, луку—чесноку, редьки—морковки. Хотели свинью у Деревячкина изловить и на сало нарезать да спужалися. Уж больна свирепа. Взяли взамен ее две четверти медовухи. И до того телега гружена оказалось, что даже лошадь забастовала. Ни в какую не захотела груз тащить. Но тут бабка Саматуха помогла. Подошла, обняла за гриву, начала на ухо про жизнь свою рассказывать с кузнецом Мыколой Гыколаичем, отцом двух взрослых пастухов.

[– Как это двух? Разве ты считать не умеешь?

– Да умею я считать! Сказал двух, значит, двух! Не перебивай!]

Постояли, в общем, Саматуха с лошастью обнявшись, поплакали о своем, о женском – и в дорогу.

Калина—богатырь упрямиться не стал. Перетаскал мешки с картошкой к себе в погреб, редьку—морковку в подпол сволок, бутыль медовухи от жены в сенях припрятал, лапти на ноги натянул да и уехал с селянами. Жена блины у печи пекла, так только и успела, что в окно взглядом проводить. Очень опасная, скажу я вам, штука эти блины: запросто можно без мужа—богатыря остаться.

Долго ли, коротко ли ехали – подъезжают назад к деревне. Калина—богатырь посольство останавливает, с телеги спрыгивает да давай думать, как деревню от напастей спасти. А навстречу ему совушка – голодная головушка идет, сослепу спотыкается, уже и взлететь не в силах. Улыбнулся Калина—богатырь, схватил сову да в мешок из—под картошки и засунул. Страшно стало сове, сразу она всю скромность свою потеряла. А Калина—богатырь уже к деревне подходит да прямо к платному колодцу направляется.

– У—у—ух! – громко сова из мешка кричит

Насторожился управляющий—мериканец.

– Кого это ты в мешке принес? – спрашивает.

– Еще одного Того, не знаю кого, – отвечает ему Калина—богатырь. —.А ну отойди, не то махом съест! Жуть какого голодного в лесу выловил. Только в колодце и может угомониться.

Повернулся мериканец до как побежит, пистолет свой по дороге от страху выронил. А Калина—богатырь тем временем к первому колодцу направился. Заплатил десять рублей, вошел в Тогонезнаемкогопарк, заглянул в колодец и говорит задумчиво:

– Да... И как вы тут вдвоем жить будете, даже и не знаю...

А сова в мешке совсем разбушевалась.

– Уух! Уууух! – кричит.

Подошли стражники, удивительно им.

– Кого это ты в мешке принес? – спрашивают.

– Того, не знаю кого, – отвечает им Калина—богатырь. – Еще одного. Боюсь, этот покрупнее будет, вишь как из мешка в колодец рвется? Еле держу.

А сова в мешке пуще прежнего орет:

– Уух! Уууух! Уухухухухух!!

Испугался тот, первый. Взмолился из колодца:

– Калина—богатырь, не погуби! Проси, что хочешь – всё выполню! Только не пускай ко мне страшили этого.

– Ну, вот что... – отвечает Калина—богатырь. – Я человек добрый, обижать зазря никого не буду. И законы государевы нарушать нам не резон, так пушай стражники и передадут чину государеву. Раз вышел закон об охране колодцев, так и мы свои охранять согласны. А найдем для охраны Того, не знаю кого. Первого... Только пусть он нам зарок даст воду не мутить и к колодцу всех желающих допускать бесплатно.

На том и порешили. Сову из мешка Калина—богатырь потихоньку выпустил, стражников до околицы проводил, медовухой, что осталась, угостил да велел никогда больше не возвращаться. А сам еще три дня и три ночи вместе со всей деревней победу праздновал. Вернее, два дня. На третий за ним жена с блинами... тьфу ты, с дубиной приехала. На том и сказочке

КОНЕЦ

– А кто слушал?

– Не знаю... А что, кто-то эту сказку до самого конца слушал?

– А куда от тебя денешься?

– Тогда – МОЛОДЕЦ!

(Из разговора усталого Сказочника с почти уснувшей Принцессой)

Судорожное дерево

Дни в деревне босоногие – бегут, только пятки сверкают. За временем никто не следит, вот оно и шалит, беспризорное. По карманам шарит: зазеваешься – глядь, а нескольких лет как ни бывало. Шляется неизвестно где, водится со всеми без разбору, заразу по домам разносит. А у людей от той заразы волосы выпадают да морщины на лице появляются.

За лето к Тому, Не Знаю Кому в деревне попривыкли. И он в колодце прижился, даже скандалить перестал. С бабами, что по воду ходят, знакомства завел, и обуяла его настоящая русская тоска. Когда делать ничего неохота потому, что о смысле жизни думаешь. Иностранца, ежели затоскует, вылечить легко: займи делом – он о тоске и забудет. Строить дом начнёт, деньги зарабатывать, детей растить. И ежели в Россию не приедет – так, дурак, и проживёт жизнь счастливо. А Вот если к нам каким ветром занесёт... У нас любой иностранец через полгода русским становится. И не то что немец или шотландец какой, даже негр начинает о смысле жизни размышлять да стихи складывать. Были такие случаи.

Русские бабы, как известно, с любым чудищем общий язык найдут, ежели их не перебивать. Месяца не прошло, как они от Того, Не Знаю Кого уже без ума были, поесть ему носили да сплетни пересказывали. Бабка Саматуха тайком от мужа полмешка самосада принесла. Теперь по вечерам из колодца дымок вился да печальные песни слышались. Матерные, правда. Зато душевные, с хрипотцой. Стали селяне заместо клуба, которого в деревне отродясь не бывало, у колодца собираться. И люди, и собаки, и лошади – даже свирепая свинья, что у плотника Дервячкина дом охраняет, захаживала. Душевную песню на Руси распоследняя свинья любит.

Тем временем в округе новая напасть приключилась: нельзя стало в лес зайти. До того там страшно, и не понять почему. Бабка Саматуха с утра за боровиками пошла, её прямо на опушке от ужаса скрутило. Давно уж Саматуха так быстро не бегала, с самого, почитай венчания с кузнецом Мыколой Гыколаичем. Тогда он еле догнал её в пяти верстах от деревни. На лошади потому что скакал, а так кто знает...

Затем Матрёна Дервячкина за смородиной собралась. Матрёна – баба упрямая, в отца пошла – старика Пахнутия, что на отшибе живёт и в подполе поганки вонючие выращивает. Мечта у него такая: скрестить поганку со съедобным грибом и прославиться. Каждый год на себе результат проверяет. Потом животом мается да с коровами на перегонки лепёшки пекёт. Матрёна, когда душа в пятки ушла и сердце в паническом ужасе в груди затрепетало, назад не повернула. Платок на шее завязала покрепче, нижнюю губу выпятила, косу со спины на грудь перекинула – и дальше двинулась. Коса у Матрёны толстая, настоящая – она ею дрова колет, когда пьяный муж не в состоянии. Идёт Матрёна по лесу, в одной руке корзина, в другой – коса, прислушивается. Чует, недоброе вокруг творится. Птицы не поют, ветер не шумит, листья с деревьев не облетают – боятся. Хотя на дворе сентябрь и давно пора пожелтеть и откинуться. Дошла до смородинника, и вдруг ноги судорогой свело. И так сильно – шагу сделать нельзя. Смотрит, медведь знакомый бежит, а на нём морды нет.

– Что стряслось? – спрашивает Матрёна онемевшими губами.

Медведь остановился отдышаться и говорит:

– Валить пора!

В этот миг внезапно ветер подул, деревья закачались, небо потемнело. А из чащи голос зовёт – скрипучий, деревянный:

– Иди ко мне... иди ко мне...

– Судорожное дерево, – побледнел медведь. Щека у него задёргалась тиком нервным, а шкура на глазах сесть начала. Схватил он онемевшую Матрёну, перекинул через плечо – и тикать в деревню!

Под вечер у колодца всё село собралось. Люди кричат, лошади ржут, свиньи хрюкают, из колодца песни печальные слышатся да дымок самосада вьётся. Один Пахнутый в сторонке за кустами лепёшки печёт. Но и тот не молчит – орёт во всё горло, что весь нынешний урожай на борьбу с Судорожным деревом отдаст. Ежели о его поганках в губернской газете напишут и фото напечатают. Мыкола Гыколаич с плотником Деревячкиным за грудки схватились: один хочет за Калиной—богатырём послать, а другой ни в какую не желает о богатыре слышать. Матрёна с бабкой Саматухой давай мужей растаскивать – да куда им! Тут сквозь толпу к колодцу незнакомый солдат протиснулся. Он через деревню шёл, захотел воды напиться. Толстый такой, поперек себя шире: двадцать пять лет на кухне отслужил. Испил воды, кисет достал, послушал, о чем селяне толкуют и говорит:

– Могу я горю вашему помочь, граждане. Но за определённую плату.

– За какую? – медведь его спрашивает. А бабка Саматуха глядит, глазам не верит: это ж тот самый солдат, с которым она от Мыколы Гыколаича перед венчанием сбежать хотела. Лысый, толстый, старый, но он! И медаль на груди – «За взятие села Помыткино». Это когда в кабаке пьяный грек буянил, а армия наша его оттуда выбила через месяц суровых окопных боёв.

– Много не возьму, – отвечает служивый. – Лошадь с телегой – раз. Деньги с кошелём – два. И портянки новые.

Возмутились селяне: велика плата-то! Солдат портянки уступил, а дальше ни в какую. И селяне уперлись. Жалко лошади. Тут небо над головами потемнело, а из лесу страшный грохот раздался. Перепугались все, даже Пахнутый штаны натянул и перекрестился. А солдат вздохнул тяжело, обвёл мрачным взглядом сельчан и сообщил:

– На охоту Судорожное дерево вышло. Не угомонить ежели – завтра к утру от деревни ничего не останется. Даже вот этого колодца.

– Как колодца не останется, вошь вас всех побери? – донёлся перепуганный голос Того, Не Знаю Кого и грусть-тоску с него как рукой сняло. – Отдайте солдату лошадь, ядрёна смо-родина!

– Не отдадите, я её назло задеру! – рычит медведь. Жалко ему с уютной берлогой расставаться, десять зим там проспал. И Пахнутый из кустов поддакивает:

– Что у нас лошадей нет?!

Хотя сам, окромя поганок, никакой живности сроду не держал, и хвоста от конской морды отличить не сможет. Пошумел народ, покричал, пар выпустил да и согласился. Солдат дарёной лошади в зубы глянул, деньги в кошеле пересчитал и наказал строго—настрою:

– Расходитесь по домам и носу до утра не показывайте! Один пойду. Не впервой мне в страшный бой ввязываться.

И на медаль взглядом показал. «За взятие села Помыткино». Воды ещё раз испил, сел в телегу и в лес отправился. Далек в чащу не полез: сразу за опушкой лошадь остановил, при-свистнул молодецки и стал ждать. Минуты не прошло, как к нему судорожное дерево выкатилось. Махонькое такое, ластится, о сапоги трётся, что твой кот:

– Ну как там в деревне, спужались?

– Ещё как! – рассмеялся солдат. – Заживём теперь с тобой: дом купим с большим огоро-дом. Я тебя у крыльца посажу. И поливать каждый день буду.

Вот и вся история... да, забыл совсем! Бабка Саматуха не послушала, что сидеть дома нужно и увязалась за солдатом. Еле—еле Мыкола Гыколаич у самого края леса догнал. Потому что на лошади скакал, а так кто знает...

Тут и бабушке конец... ой... сказочке, сказочке конец!

Сказка о неразделенной дружбе

Старики сказывали, давно это было. Деда их дедов не застали, но от родителей слышали да сыновьям пересказали. Правил тогда на Руси царь Горох. Вставал спозаранку, ещё до первых петухов, и такой неугомонный был, что никому в стране спать не давал. Выскочит из дворца чуть не на босу ногу и давай проверять, чем подданные занимаются. Кого за долгий сон пожуришь, кого – за двор неприбранный, кого – за скотину некормленную. И так приучил народ, что стоило царю на день с похмелья приболеть, как в стране полный бардак начинался.

Была у царя Гороха жена Молчана, две дочери – Несмеяна и Хохотана и сын Иван—Дурак. Да ещё друг по переписке был, король английский по имени Артур. Жена у Гороха по дипломатической части работала, когда отказаться от заморских предложений нельзя, а согласиться тем более. Дочери по очереди образованием в стране занимались. А царский сын для умного дела рождён был, но пока умного дела всё не приключалось и не приключалось, так что в ожидании Иван—Дурак ваньку валял да баклуши бил.

В лето позабыл какого года, аккурат на Ивана Купалу, гонец привёз царю письмо от заморского друга Артура. Половины разобрать нельзя было потому, что гонца на улицах народ по древнему обычаю из вёдер обливал, а вторую половину потому, что не по-русски писана. А единственный в царстве толмач накануне белены объелся, сыграл в ящик, дал дуба и копыта отбросил. Царь на всякий случай над могилой письмо прочитал, на чудо надеясь, но толмач от царского акцента в гробу несколько раз перевернулся, а по существу ничего не сказал. Решил тогда царь всей семьёй ехать к Артуру в гости: вдруг чего случилось? Подданных, конечно, жалко – безцаревщиной на время останутся, а что делать? Сам погибай, а товарища выручай.

Запрягли три кареты, присели на дорожку, помолчали да и двинулись в путь. В первой карете царь с женой едет. Во второй – их дочери с сундуками нарядов. А в третьей – Иван—Дурак—царевич, один—одинёшенек. Горох и в пути никому покою не дал. Сыну обрывок письма вручил и велел английский язык по нему учить. Иван—Дурак письмо вертел—вертел, никак понять не мог, где верх, а где низ. Так вверх ногами и принялся зубрить. Дочерям царь повелел шарфы в дороге вязать для подарков рыцарям Артура. Оказалось тут же, что дочери—растяпы пряжу забыли. Царь осерчал так, что поначалу отречься от них хотел и из карет прямо в глухом лесу высадить, да отцовское чувство разыграло. Сжалился. Приказал принцессам ихние вязаные наряды из сундуков достать, распустить на нити и в шарфы перевязать. В деревнях, что по пути попадались, царь на ходу советы из окна давал. Как пахать да что сеять да когда урожай собирать. Уже чужеземные деревни пошли, а он всё не унимался. Только дивился, отчего шапки перед ним ломать перестали.

– Не хотите по—хорошему, – гневаясь, кричал царь, – так я дружину пришлю, воевода вам покажет, как правильно брюкву сажать!

Чужеземные крестьяне по—русски не понимали, но сердцем чуяли: беда пришла. И словно в подтверждение тех чувств из следующей кареты вперемешку плач и хохот доносился: Несмеяна над погубленными нарядами горькими слезами заливалась, а Хохотана смеялась истерически. А из третьей кареты, к ужасу крестьян, кто-то на всю улицу бубнил слова, которых нет на Земле и никогда не будет ни в одном человеческом языке.

Прошла неделя, а, может, две и вот добрался царь Горох со своею свитою до моря—океана. Лошади воду понюхали, зафыркали громко, и дальше, как их кнутами не били, везти отказались. Пришлось вылезать из карет и думу думать. Заодно обнаружилось, что не все в семье это делать умеют. Собственно, никто не умеет, разве что Молчана, но она, если и надумает чего, нипочем с другими не поделится. Такой уж человек скрытный. Даже родителям до сих пор не сказала, что замужем. Живут в своей деревне, ничего не знают. И мужу не сказала, что у него не трое детей, а шестеро. Он-то в делах вечно, не заметил, когда половина народилась.

– Кто так думает?! – орал царь Горох, бегая вокруг детей и жены по песчаному берегу. – Глаза, глаза прикройте! Внутри себя смотрите, чего там видите? Есть мысли, нет?

Мыслей ни у кого не было. Кроме одной: надо поехать в порт и сесть на попутный корабль. Но царю её сказать боялись, надеялись, сам додумается.

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но, наконец, переплыла царская семья с лошадьми, каретами и двумя сундуками шарфиков пролив Ла—Манш и оказалась на острове, где король Артур жил с женой, рыцарями и круглым столом. Ехать, правда, непривычно было – страна маленькая, особо не разгонишься. И туманы. Такие туманы, что кончик собственного языка не видно, если его изо рта высунуть. Царь Горох приуныл поначалу, но затем решительно шторы задёрнул, лучину зажёл и к жене поворотился.

– Ты вот неправильно молчишь, – заявил он. – Без загадочной улыбки на устах. Без румянцу на ланитах и томленья в чреслах.

Молчана от испугу аж спиной в угол вжалась. Припомнила сразу, что царь это её шесть раз уже говорил. И чем эти шесть раз закончились припомнила. А царь тем временем совсем распоясался.

– Эх, золото моё, – мечтательно сказал он. – Посмотри красота-то какая – ни зги не видно! И, не останавливая кареты, целоваться полез.

При дворе короля Артура сначала никак понять не могли, кого это черт принёс и откуда. Часа два стояла делегация у ворот Камелота – препиралась со стражей. Хорошо волшебник Мерлин вышел, послушал, как Иван—Дурак говорит на английском языке, выученном вверх ногами, приказал царевича головой вниз поставить и внимательно выслушал. Ухмыльнулся, достал из кармана волшебную палочку да как треснёт ей Ивана по голове. У того искры из глаз посыпались, зато в голове всё на место встало.

– Пустите, – говорит Иван—царевич на чистейшем английском языке, – нас к королю, он для меня с сёстрами как отец родной. Нам с детства его письма каждый день читали. А он в тех письмах о нашем здоровье справлялся, успехам радовался да уму—разуму учил. Батюшка с ним не разлей вода друзья! Он ему одних своих портретов с полсотни выслал.

Очень Мерлин этим словам удивился. Вытащил тогда Иван—царевич обрывок последнего письма и протянул волшебнику. А сам вдруг видит, что написано в том письме сплошь «старый козёл», «больной ублюдок» да «чтоб ты сдох». Не сразу до Ивана дошло, что переводчик от страха, что царь Горох разгневется, совсем по—иному письма переводил. А вслед за тем понял царевич: не простит ему батюшка потерю единственного друга. На Руси-то у царя друзей не было.

Как бы царевич выкрутился – неизвестно. Но тут судьба вмешалась. Из ближайшего леса выскочила большая рыжая лошадь и поскакала галопом прямо к воротам Камелота. Если когда-нибудь чья-нибудь лошадь и была близка к тому, чтобы разрыдаться, то именно в этот момент.

– Убили! – громко ржала она на своём лошадином языке. – Зажарили огнём драконьим! О, Ланселот, любовь моя, как я без тебя жить буду? Кто накормит меня жёлтым, как солнце, сеном?! Кто напоит меня ключевой водой? Кто прикажет почистить стойло моё и расчешет гриву мою?!

Иван—царевич даже уши зажал ладонями, и только потом сообразил, что понимает теперь не только английский человеческий язык, но и английский звериный. Лошадь резко затормозила у ворот, подняв облако влажной от ушедшего тумана пыли, и, кося глазом на своих русских сородичей, запряжённых в кареты, принялась пересказывать Мерлину о битве славного рыцаря Ланселота и короля Артура со злобным драконом. Оказалось, они набрали на драконье гнездо и, не подумав, пожелали зажарить себе на завтрак пару яиц. Но тут появился дракон, и Ланселот, защищая отступающего в пещеру короля, был насмерть опалён из вонючей драконьей глотки.

– Мечь! – требовательно ржала лошадь. – Хватит сидеть за круглым столом! Око за око, яйцо за яйцо!

Тут уж, знамо дело, не до заморских гостей стало. Иван отцу всё в подробностях пересказал, только про то, что в письмах написано говорить не стал. Царь Горох сильно опечалился из—за друга, а как только увидел рыцарей и вовсе в чёрную печаль впал. Рыцари были пьяны настолько, что ковыляли, опираясь на мечи, аки на посохи, и не понимали, куда бредут.

– Кто в таком виде на войну ходит?! – причитал царь Горох, прыгая вокруг рыцарей. – Ты переведи им, переведи! Не слышат? От же сволочи. Королю смерть грозит, а они перепились с самого утра. Слышь, Несмеяна, расплетай шарфы! Ни черта они в подарок от нас не получат. Расплетайте с сестрой шарфы и вяжите себе обратно наряды. Ты переведи им, Иван, что шарфов не получают. Не понимают? Ну и черт с ними. Эх, двум смертям не бывать, одной не миновать – сам пойду друга выручать! Подсади—ка меня, Иванушка, на кобылу и меч подай – мы с тобой на подмогу королю идём.

Тут бы и сказать царевичу всю правду о короле Артуре и о письмах, да постеснялся он. Подсадил царя Гороха на лошадь ланселотовскую, сам на другую вскочил, и помчались они так быстро, как только могли. Правда, и тут царь Горох не удержался:

– Разве это аллюр? – обхватив лошадиную шею, кричал он животному в ухо. – Кто же так ноги ставит, кто так ноги ставит?! Резче передние выбрасывай, резче! И хвостом рули. Хвостом, тебе говорят!

Лошадь по—русски не понимала и оттого думала, что заморский царь ей ласковые слова шепчет. Довезла до горного ущелья, где дракон Артура в пещеру загнал и остановилась. Слез царь Горох, кряхтя, на землю, махнул Ивану рукой и пошёл вперёд по тропе. Долго ли, коротко ли шли, выходят они на большое открытое место. Справа – горы, слева – озеро, а посередине ходит по тропе чудо—юдо, страшилище огромное с глазами красными да лапой из клы-

ков доспехи выковыривает, что не прожевались с Ланселотом вместе. Затем остановилось, принюхалось и вдруг говорит человеческим языком:

– Чую я – русским духом пахнет!

А как тут не запахнуть, если Иван с Горохом с дороги в бане ещё не были и две с лишним недели портянки не снимали? И понял тут Иван, что вот оно и пришло время для того самого умного дела, которого он всю жизнь ждал.

– Эй, ты! – закричал он чудовищу на чудовищном языке. – Давай в загадки играть! Я проиграю – ты меня съешь, а ты проиграешь – я тебя съем.

Чудовище голову нагнуло пониже, чтобы наглеца рассмотреть: умная морда у него или совсем дурак. А Иван—царевич размахнулся и со всей силы шею мечом-то и перерубил. И вид у него при этом был такой умный, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Короля Артура отыскиали в пещере почти бездыханного.

– Артур, друг мой, очнись! – причитал, тряся его за плечи, царь Горох. – Нет больше юдолица поганого, одолели мы супостата. Друг, я тебе расскажу, как брюкву выращивать. Мы с тобой всю Англию брюквой засадим, ей—богу, не вру. Очнись только...

Долго тряс царь Горох друга за плечи, но только всё без толку. Наконец, царь опустился на колени и беззвучно зарыдал. И тут король неожиданно подал признаки жизни. Застонал, дыхнул перегаром, открыл глаза и увидел царя Гороха.

– Чтоб ты сдох, – отчётливо произнёс по—русски Артур.

И также по—русски добавил:

– Старый козёл...

Видать после драки с драконом его тоже на знание языков перемкнуло.

Царь Горох молчал всю обратную дорогу. Его не трогали разговоры ни о строительстве теремов, ни о новом странном овоще под названием «огурец» из—за дальнего края моря. Он даже не отреагировал, когда Молчана положила ему голову на плечо и произнесла вслух:

– А у нас, Горошек, скоро ребёнок будет. Не считая тех, о ком ты ещё не знаешь.

Совсем не удивился царь, хотя голос жены слышал в первый раз в жизни. Только уже на границе с Русью вдруг проговорил вслух:

– Приедем, прикажу вырыть толмача из могилы и на кривой осине в глухом лесу повесить.

Но подъезжая к столице, неожиданно передумал:

– А всё—таки хорошо было, – задумчиво произнёс Горох, – Прикажу толмача вырыть из могилы, вручить медаль царскую и снова зарыть.

Оно и правильно. Иногда лучше обмануться, чем всю жизнь прожить, так и не узнав настоящего чувства. Пусть и неразделённого. А что горько потом, так-то судьба на качелях раскачивает. Сладко—горько, сладко—горько...

Как друиды Стоунхедж строили

– Опять друиды камень тащат!

Кузнец пьяно ухмыльнулся и показал на здоровых мужиков, тянувших за толстые канаты каменную глыбу. Кузнец и сам был мужчина видный: высокий, крепкий – как говорится, косая миля в плечах. Но глуповат. И очень азартен.

– Сейчас поднимать будут, – заявил он, – ставлю корову против овцы, что справа!

Горшечник с пекарем переглянулись: высока ставка-то! А ну как проиграешь?

Трое мужчин, расположившихся на высоком холме за окраиной поселка, полулежали в мягкой траве вокруг бочонка с элем и отдыхали от трудов праведных. Праздник ведь, День макушки Солнца. Никак нельзя в этот день трудиться, боги прогневаются. Впрочем, на копошащихся друидов гнев богов почему-то не распространился.

– Ну, так что? – не отставал кузнец. – Спор кто принимает, нет?

– Корову, говоришь, – задумчиво произнес горшечник, седой плюгавенький мужичок лет сорока. – А какую корову? У тебя ж ее и вовсе нет! Ты говори—говори да не того... не завирайся. Проиграешь, чем отдавать будешь?

– Как это у меня нет коровы? – набычился кузнец и отставил большую глиняную кружку в сторону. Недопитый эль выплеснулся через край, лизнув сочную зеленую траву белым пенным языком.

– А вот так! – выпалил горшечник. – Была б корова, твоя жена бы к молочнику с кувшином не бегала!

– Это когда ты видел, чтоб моя к молочнику бегала? – удивился кузнец. – У нас самих три коровы!

– Когда—когда... Да через день почти. Сначала ты в кузницу идешь, затем она... – горшечник внезапно осознал, что говорит что-то не то и прикусил язык, но затем все же выдавил. —..за молоком.

Кузнец потянулся к кружке, долил эля из бочонка и, залпом выпив хмельной напиток, недоуменно пожал плечами:

– Зачем к молочнику ходить, когда три коровы? Может, за солью?

Друиды тем временем водрузили камень на место и, завистливо посмотрев на отдыхающих, отправились за следующим. Идти было далеко: до самого подножия холма, куда камни доставляли с помощью волов. Но в гору животные тянуть каменные глыбы категорически отказывались, и приходилось работать людям. Пока одни медленно спускались с холма, переводя дух, другие изо всех сил волокли тяжелые камни вверх по склону.

– Смотри—ка, а теперь слева ставят, – произнес пекарь, длиновязый кучерявый блондин лет тридцати, – чего это они тут сооружают, а?

– Святилище, – авторитетно ответил горшечник. – Как есть святилище, только вот какому богу не пойму...

– Да ну... – не согласился блондин, – мы тут исстари эль пили, на этом холме. Его ж в народе так и зовут – Пивной холм... еще Драчливый холм, сам знаешь, какие тут по праздникам драки случаются. Вон кузнец в прошлый раз троих чуть насмерть не забил.

– Это когда я в Хэллуинпуль ездил что ли? – поинтересовался горшечник. – За глиной?

– Ну да... трех близнецов с окраины помнишь? Темные такие, у них отец из—за моря, на лютне играл раньше... Пока друиды его в жертву не принесли за дурной глаз. ну вот... Парни стали над кузнецом смеяться: мол, у тебя даже курей и тех нет. Он им: как нет? Да

у меня лучшие куры во всей округе! А они ему: чего ж тогда твоя жена через день за яйцами к яичнику бегают?

– Какому еще яичнику? – озадаченно произнес горшечник.

– Тьфу ты... Язык уже заплетается. Курятнику, вот! В общем, слово за слово, кузнец как схватит полено, на котором сидел и давай братьев бутузить. Еле оттащили!

– Он такой! – согласился горшечник, опасливо косясь на отошедшего к друидам кузнеца.

Кузнец тем временем обошел вокруг нескольких поставленных друидами камней, задрал голову вверх, крикнул одобрительно, оценивая высоту, и поинтересовался у стоявшего рядом друида:

– Это что ж тут такое будет на нашем холме? Неужто жертвенник строите?

– Не мешай, – отрезал друид, – не видишь, заняты мы.

– Не—е—е, ты погоди, – нахмурился кузнец, – тут у нас издревле место для встреч, предки еще наши сюда эль пить ходили. А ты тут камни какие-то таскаешь?! Отвечай!

– Для вас же стараемся! – обиженно произнес друид. – Кто все время жалуется, что развлечений в праздник мало? Что танцевать по кочкам неудобно? Вот. Площадку каменную для танцев строим. С навесом! Никакой дождь не помешает.

– Танцплощадку? – изумился кузнец.

– Ну да... А то говорят, будто мы, друиды, совсем о народе думать перестали. За морем уже везде такие площадки есть, а теперь и у нас будет. Мы даже название придумали, – похвастался друид.

– Какое название?

Друид улыбнулся и мечтательно произнес: – Красивое название... Стоунхедж!

Яйцо божественной птицы Анзуд

Пролог

Есть в Пятиречье странный свадебный обычай: мужчины нередко женятся там на деревьях. Ибо существует в тех краях закон, запрещающий мужчине брать третью жену, но разрешающий брать четвертую. За давностью лет никто уже и не помнит, откуда взялся этот обычай, и даже седые старики лишь покачивают головами: закон есть закон. Наши мудрые предки исполняли его, и мы исполняли его, и не вам, молодым, его нарушать. Но если молодая жена согласна войти в твой дом, а у тебя уже есть две – женись сначала на дереве, и, да будет оно твоею третьей женой. Не знают старейшины ответов, но... Но всё, что когда—либо случилось на этой Земле, обязательно записано в свитках. Записана и эта история – история о славном воине Фархаде и яйце божественной птицы Анзуд.

1

Сорок лет и четыре года было Фархаду, двенадцать сыновей подрастало у него, и жил сей богатырь в Лахоре, неподалёку от Жемчужной мечети Шах—Джахана. Немало подвигов совершил он в борьбе с раджами Декана, пока не ушел на покой и не оставил военное ремесло. Утром он встречал восход, стоя на западной стене Лахорского форта, а вечером там же провожал закат. И однажды увидел на узкой улочке, что подобно ручью петляла вдоль городской стены, девушку. Она шла с кувшином воды на плече, ноги её были босы, лицо открыто, а волосы распущены. Зачарованный неземной красотой, Фархад сбежал по ступеням сторожевой башни, но девушка уже исчезла.

А когда на закате следующего дня стоял Фархад на стене и любовался городом, то вновь заметил незнакомку, несущую кувшин. Быстрее ветра калема, что поднимает волны высотой в двенадцать кадамов, сбежал он по ступеням башни, но снова не увидел девушки. Расстроенный, воин принялся расспрашивать прохожих, но те на его расспросы лишь недоуменно вращали кистями рук, как это принято в тех краях, когда человек озадачен и недоумевает.

Мысль о таинственной, словно далекая страна Магриб, красавице не давала покоя воину. В третий вечер он не поднялся на стену, а остался у каменных пят башни. И едва закат лимонным соком стал стекать по стенам домов, как незнакомка появилась. Босые ступни её касались вымощенной камнем мостовой, темные волосы развевал ветер, а глаза лукаво смотрели по сторонам. Но ни один прохожий не обернулся ей вслед!

– Фурса саида, – одними губами прошептал Фархад. – Счастливый случай!

Он шагнул навстречу и низко поклонился.

– Меня зовут Фархад, – сказал он. – Пусть твоя красота, о, незнакомка, послужит прощением моей дерзости. Кто ты? В каком саду вырос столь дивный цветок?

Остановившись, девушка опустила кувшин на землю и внимательно посмотрела на Фархада.

– Моё имя Шаджару—д—дурр, воин, – ответила она. – Я – дочь Ахмада ал—Карах—и, которого горожане называют колдуном. Разве тебя мучает жажда, что ты остановил меня?

– Да... – с трудом выдавил Фархад. – Позволь мне напиться из твоего кувшина.

– Что ж... – улыбнулась девушка, и в глазах её отразился желтый закат. – Ты сам меня попросил.

Кто-то тронул Фархада за плечо, и он словно очнулся ото сна. Воин стоял посреди пустой улицы, с кувшином в руках, а рядом с ним – трое стражников, что обходили ночной город. Высоко в небе, над полумесяцем Жемчужной мечети, висел другой полумесяц – луны.

– Странный закат сегодня, – проговорил стражник. – Совсем желтый, никогда такого не видел. И на людей действует нехорошо. Вы давно стоите на этой улице, уважаемый?

– Да... – произнес Фархад. – Да... Мне пора домой.

2

Узкими длинными пальцами Ахмад ал—Карах—и брал из пиалы сушеный виноград и с любопытством поглядывал на своего гостя. Они сидели вдвоем в одной из гостевых комнат, что приютились по бокам широкого двора. Легкий ветерок играл с занавеской на окне, позади хозяина всю стену занимал богатый шелковый гобелен, прошитый золотыми нитями, а напротив сидел гость – воин Фархад. Лицо у Ахмада было вытянутым, словно у арабского скакуна, под длинным мясистым носом подрагивали тонкие черные усики, а наброшенный на плечи халат и украшенный драгоценными камнями тюрбан стоили больше, чем кинжал на поясе Фархада, некогда подаренный самим Шахом Джаханом. Воин Фархад не был беден, но и богатство не давалось ему, подобно тому, как пугливая лань всегда попадает в зубы лишь настоящему хищнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.